

Е.В. Семеничева
E.V. Semenishcheva

**ПОРТРЕТ ИГУМЕНИИ МАРИИ (ТУЧКОВОЙ)
И СПАСО-БОРОДИНСКАЯ ОБИТЕЛЬ В РУКОПИСИ
МОНАХИНИ МАРИИ (ШАХОВОЙ)**

**PORTRAIT OF ABBESS MARIA (TUCHKOVA)
AND THE SPASO-BORODINO MONASTERY
IN THE MANUSCRIPT OF THE NUN MARIA
(SHAKHOVA)**

В статье рассматривается история рукописи монахини Марии (в миру Елизаветы Никитичны Шаховой) из Оптиной пустыни. В ней представлен портрет основательницы Спасо-Бородинского монастыря игумении Марии (в миру Маргариты Михайловны Тучковой, урожденной Нарышкиной).

The article deals with the history of the manuscript of the nun Maria (mundane Elizabeth Nikitichna Shakhova) from the Optina Pustyn monastery. It presents a portrait of the founder of the Spaso-Borodino monastery, abbess Maria (mundane Margarita Mikhailovna Tuchkova, born Naryshkina).

Ключевые слова: Спасо-Бородинский монастырь, Оптина пустынь, игумения Мария, Тучковы, Нарышкины.

Keywords: Spaso-Borodinsky monastery, Optina Pustyn, abbess Maria, Tuchkovs, Naryshkins.

В 1865 г. в Санкт-Петербурге в журнале «Странник» в майской и июньской книжках, а затем и отдельно вышло в свет сочинение Елизаветы Никитичны Шаховой под пространном названием «Памятные записки о жизни игумении Марии, основательницы Спасо-Бородинского общежительного монастыря, в мире Маргариты Михайловны Тучковой (урожденной Нарышкиной)». Автор предваряла свое повествование коротким введением следующего содержания:

«Не вполне достаточны, но верны мои сведения об обстоятельствах первых лет жизни достопамятной женщины нашего времени – Марии, игумении и основательницы Спасской пустынной обители, на знаменитом Бородинском поле. Передаю эти сведения более всего из отрывочных рассказов самой матери игумении Марии, бывшей первою моею настоятельницей. Право составления более полного исторического очерка благочестивой ея жизни уступаю писателям, более меня досужим и искусным. Оставляю за собою дерзновение, по чувству долга искренней признательности к ея памяти, начертав только образ жизни ея монашеской и настоятельской, счастливою свидетельницей которой была и я, в течение первых трех лет моего иноческого новоначала (1845, 1846, 1847). Получила я также много драгоценных сведений и от особ, довершивших монашеский свой подвиг, под деятельным руководством игумении Марии, до самой ея кончины, с которыми по завету любви нашей драгоценной матери донныне сохраняю духовное общение. О вечнопамятной Марии спасо-бородинской желательно нам передать именно, что могло быть мало известно вне круга ея деятельности, и что более должно принести пользы и назидания для любителей священных жизнеописаний современных нам подвижников»¹.

Шахова Елизавета Никитична родилась в 1821 г. и прославилась необычно ранним выступлением на литературном поприще. Ее «Опыт в стихах» (Санкт-Петербург, 1837), напечатанный за счет Российской академии, обратил на себя внимание, главным образом, возрастом автора. Приводить здесь биографические сведения о ней не будем, сообщим лишь о том, что Шахова упомянута среди более чем тысячи двухсот имен в «Библиографическом словаре русских писательниц» князя Н.Н. Голицына².

«Памятные записки» были написаны Шаховой (в постриге монахиней Марией) уже в зрелом возрасте и спустя более чем десятилетие после кончины игумении Марии (Тучковой).

То обстоятельство, что Шахова лично была знакома с игуменией Марией, сделало ее сочинение основным источником практически для всех последующих составителей биографий «бородинской отшельни-

цы» и авторов популярных статей. И даже для «официального» жития основательницы Спасо-Бородинского монастыря, подготовленного и изданного насельницами возрожденной в 1992 г. монашеской обители на Бородинском поле.

Мы же, опираясь на архивные изыскания нескольких лет, можем заявить, что сведения, представленные в «Памятных записках», вопреки заявлению автора, нельзя безоговорочно назвать «верными». А некоторые из них так и просто искажают действительность.

Что же побудило обратиться к заявленной теме?

Архивное дело, происходящее из библиотеки Скита Оптиной пустыни и хранящееся ныне в Отделе рукописей Российской Государственной библиотеки, а именно рукописный документ в картонном с коленкоровым корешком переплете, размером 28,2×22,0 см, на верхней крышке которого наклеен заголовок: «Жизнеописание игумении Марии Тучковой»³.

В описи же дело имеет заголовок «Введение к жизнеописанию игумении Бородинского монастыря Марии Тучковой и различные письма, связанные с изданиями Оптиной пустыни лицами, проживающими там», и действительно представляет собой конволют рукописей второй половины XIX в., писанных несколькими почерками, объемом в 40 листов. Четвертую часть сборника с первого по десятый лист составляет рукопись, обозначенная в содержании как «Введение к Жизнеописанию игумении Бородинского Спасского монастыря / Можайск. у. / Марии Тучковой / уржд. Нарышкиной ?/, составленное монахиней Марией и датированное 1864 г. февраля 8-го, Тверь».

По тексту первого же абзаца рукописи стало понятно, что это Елизавета Шахова. Но знакомым оказался только этот абзац, который практически слово в слово повторяет короткое введение к «Памятным запискам...». Остальное содержание этого интереснейшего текста осталось неопубликованным. Можно сказать, что получилось почти по-евангельски – строители отвергли камень, который должен был лечь во главу угла.

Неопубликованными остались рассказ о знакомстве автора с игуменией Марией, описание Спасо-Бородинского монастыря, история

благословения Шаховой на ношение подрясника и многое другое. Приведем здесь четыре эпизода из «Введения к Жизнеописанию» игумении Марии.

I. «Начну с моей первой неожиданной встречи с Достоименитой Марией. Лет двадцать и более тому назад, в годы моей юной мирской жизни, однажды была я приглашена на музыкальный вечер Т.В. Ю-ой (Татьяны Васильевны Юсуповой. – *Прим. автора*). В назначенный час, нарядная и веселая, в ожидании предстоящих удовольствий собрания, я получила уведомление из дома княгини о случившемся внезапном происшествии с близкою ей родственницей, вследствие которого концерт отменялся, но меня звали приехать запросто. Торопясь увидеть огорченную княгиню, которую любила первою привязанностию горячего юного сердца, я поехала, даже не переменяв своего наряда.

Войдя в гостиную, я остановилась как вкопанная. Доселе не умею определить ощущения, которое тогда объяло все мое существо. Это ощущение было так ново для меня, что я приняла его за испуг, потому что чувствовала, как застыла кровь в моих жилах, и я так смешалась, что не могла несколько минут проговорить ни слова.

Я увидела подле княгини высокого роста женщину, бледную, изможденную, тонкую, как дух, в широкой черной одежде. Ее величественный вид, углубленные выразительные черты исполненной ума физиономии, впалые томные, как бы до самого сердца проникающие глаза и слабый трепещущий голос поразили меня, всегда впечатлительную и сильно восприимчивую. Подле чудной незнакомки, показавшейся мне существом из другого мира, сидела другая, очень благообразная, но также истощенного вида старика.

Когда княгиня представила меня, как свою любимицу, своей удивительной гостье, она с невыразимой приветливостью просила меня сесть между собой и княгиней и совершенно занялась мною. Потом, обратясь к княгине, неожиданно сказала ей, пристально устремляя на меня свои пронизательные глаза: – “Уступите мне ее. Она не Ваша, она, скорее, будет моею”.

Все еще не освободясь от первого впечатления, я почувствовала трепет от этих слов, как будто услышав себе внезапный приговор

на всю жизнь. Несколько минут продолжался спор из-за меня между княгиней и будущей моей Матерью-Настоятельницей. Это была Мария, игуменья Спасо-Бородинская. Это было именно в 1840 году, когда игуменья Мария была вызвана в Санкт-Петербург для присутствия на Священном Миропомазании Ея Императорского Высочества, и, наконец, она произнесла решительным голосом следующие знаменательные для меня слова:

“Послушайте, молодая особа, перед Вами теперь только что развивается свиток жизни, (мне было тогда не более семнадцати лет) – и зов мой весь из мира, который теперь Вам приманчиво улыбается (только пугает Вас). Но не доверяйтесь миру и его приманкам. Впрочем, когда мир Вас обманет, вспомните Марию, которая призывала Вас в свои объятия. Сдается мне, что не пройдет десяти лет, как Вы будете моею, или нет, вернее сказать, Христовою”».

II. «Глубоко запали мне в душу неизгладимое впечатление, произведенное на меня особою доселе неведомого мне духовного сана, и ее неподражаемая увлекательная беседа о красотах пустынного ее убежища на прославленных полях Бородина, о сладостной тишине и утешениях уединения; о любви, связывающей между собою их маленькое, хотя разнородное общество – единством цели и стремления угодить Богу; о простоте самой жизни мирного общежития, в которой как бы воскресает и отражается непорочная патриархальность первых веков христианства. Княгиня с живым и неутомимым желанием расспрашивала свою высокую посетительницу о всех подробностях ее пустынножития, и та удовлетворяла ее непритворное участие такими красноречивыми, оживленными картинками своего чудного быта, подкрепляя рассказ чтением нескольких свежих писем к ней из Спасской пустыни, что я не только не вспомнила о состоявшемся концерте, но ощущала в душе своей всю полноту удовольствия, далеко превосходящего приятностью все музыкальные и иные чувственные впечатления светских развлечений.

В 1841 году семейство переселилось в Москву, где еще через два года десница Божия снова свела меня с незабвенною пустынножительницей. Она и встретила, и принимала меня всегда с осо-

бенною любовью, часто повторяя мне о призвании в монашество. Я посещала мать Марию каждый раз, как она приезжала в Москву и останавливалась в доме своего брата А.М. Нарышкина. Самый любимый разговор матушки со мною был о непрочности земных радостей и о превосходстве монашеской жизни, который она нередко заводила в присутствии многих духовных и светских лиц, посещавших ее и с нетерпением стремившихся пользоваться свиданием с нею во время ее нечастых приездов в Москву».

III. «Глубоко впечатлены подробности моего первого приезда в Спасскую Пустынь в моих воспоминаниях. (Это было 25 июля 1845 года. Я поехала туда с моей старшей сестрой, которая прежде меня гостила там по несколько времени.) Когда дорожная наша коляска остановилась у въездных ворот обители, сестра моя вышла и велела мне дожидаться в коляске, пока она скажет Матушке о моем приезде для переговоров. К удивлению моему меня заставили ждать довольно долго. Вечер был прекрасный. На небе не было ни одного облачка. В открытых вратах обители, как в рамке, под золотыми лучами заходившего солнца вставлялась картинная красота пустыньки, которой я любовалась до очарования. Прямо против меня виднелся небольшой одноэтажный домик с двумя крылечками по сторонам и с цветущими кустами роз под окнами. Вправо возвышался на холме белостенный круглого вида красивый храм с высокою колокольней с серебристым остроконечным шпилем, увенчанным сияющим крестом, весь обрамленный густой зеленью разного рода дерев, то сближенных между собою наподобие рощи, то широко раскинувшихся по куртинкам и ярко зеленеющим лужкам, окаймленным прихотливыми дорожками, убитыми красным песком. Влево густела небольшая березовая рощица с проглядывающими кое-где из-за деревьев маленькими, но красивыми келийками, пустынно расположенными одна за другой. “Красное обиталище праведных, упокой меня в своих недрах”, – думала я, смотря на ходивших по этому раю вдаль пустынных сестер. Я видела между ними несколько молодых, прекрасных собою послушниц, которые в черных хитонах, стянутых широкими ремнями, с волосами, обрванными до плеч, поистине

имели вид ангелов, утаивших себя под монастырской одеждой. На свежих лицах их сияла непринужденная младенческая веселость – отражение непорочной совести и мирного устройства души. Никакого признака насилия или следа унижения нельзя было подметить на их открытых физиономиях. Сердце мое влеклось и прилепилось к святой земле Бородинской так сильно, что я совещалась со всеми силами души моей – преодолеть все препятствия к водворению в ней».

IV. «Незабвенный день моей жизни – пятнадцатое число августа 1845 года. Скажу из воспоминаний о нем исключительно то, что относится к изображению нравственного очерка первой моей Матери-Настоятельницы.

Накануне после всенощной на праздник Успения Пресвятой Богородицы долго наедине беседовала со мною Матушка. Я исповедалась пред Повечерием и готовилась к принятию Святых Христовых Тайн по установленному обычаю ее Пустыни, не иначе как с таким благоговейным приготовлением облекать в одежду новоначалия вступающих. В самое утро Праздника, до звона к обедне имея в руках ряску и связочку в одном хитоне, опоясанная ремнем, пришла я в келью Матушки (близ Спасской церкви). Матушка ожидала меня в мантии, с крестом на груди пред святыми иконами, у которых были зажжены свечи, и казалась растроганною. Она велела мне обратиться к Господу Богу с усердною молитвою из глубины души, чтоб призвать Его Всесильную помощь на укрепление моей немощи, и положить несколько земных поклонов, которые начала класть первая, повергаясь каждый раз по воздеянии рук с молитвою обо мне. Потом взяла от меня готовую одежду, окропила ее святой водою, дала мне приложиться к ней, и облекла в нее собственными руками. После того еще обратилась к иконам, воздела свои сухие прозрачные руки и тихо произнесла умиленным голосом: “Господи Иисусе Христе Боже Наш! Сердцеведче и Спасителю душ наших! Сам укрепи рабу Твою Елисавету на указанном Тобою пути, и буде ей отныне истинным путем во Спасение по неложному Твоему обещанию, сопричти ее к избранному Твоему стаду”, – и далее из молитвы, читаемой при малом Последовании рясофора, велела мне сказать: “Аминь!”

И, подняв меня, повергшуюся к ее ногам, обняла крепко, поздравляя с увещанием Христу. Потом повела меня за руку в Храм Божий и поставила у своего места. Это был настоящий мой праздник, радость моя была торжественной, неописанное состояние духа! Мне казалось, что небо отверзлось, и лики ангельские участвовали в равноангельской радости сестер Спасских, которые по окончании Литургии наперерыв спешили изъявить мне свои приветствия и искренние сочувствия любви к новой своей сподвижнице».

Как рукопись попала в Оптину Пустынь?

Ответ обнаружился в публикации Е.М. Аксененко «...И дружба сохранит немногие листки» (письма игумена Антония (Бочкова) к монахине Марии (Шаховой) в Ежегоднике рукописного отдела Пушкинского дома на 2005–2006 гг.

В переписке имеется несколько писем, написанных в 1864 г., в которых идет речь о составленном Шаховой жизнеописании игуменьи Марии.

26 февраля игумен Антоний, настоятель Черемнецкого монастыря Санкт-Петербургской епархии писал:

«Наконец я получил Вашу посылку (имея в виду рукопись)... Когда прочту, дам отзыв».

«Принявшись читать “Житие м. Марии Бородинской”, я не мог от него отстать и прочел все, кроме последних писем. Труд Ваш совершился во славу Божию. Он так хорош, что я восхвалить его достойно не умею. Прекрасный, чистый слог без всякой тени литературных украшений, а прямо в сердце входящее слово. Любовь Ваша к почивающей хотя и видна в теплых, душевных похвалах, но и здесь сохранилась монашеская мерность, старческое, переданное вам великим старцем (свт. Игнатий Брянчанинов), неподражаемое искусство. Картины первоначальной жизни игуменьи Марии начертаны сильною, твердою рукою литератора, хотя и в них описатель всегда верен природе и не выставляет себя нигде. Нет нигде манерности, не видно желание блеснуть фразами, а всегда плавное спокойное течение сильной речи, исполненной ума и чувства. Выдержать 90 листов в равной мере духовного искусства можно только

с великим запасом внутренних сил. Молю Господа, чтобы не мною одним, а всеми лицами духовными труды Ваши оценились по достоинству. Я заметил одну только ошибку. Великую княгиню Александру Иосифовну называете Вы Альтенбергскою. Она принцесса Саксен-Альтенбургская. Это прикажите исправить. Наперсный крест по ошибке переписчика назван наперстным. “Т” лишнее. На 29 листке есть одно выражение, которое легко переименовать; сказано “много таковых из окрестных сел и деревень” и прочее. Можно повторить опять “много страждущих”. Русский язык это любит и допускает, но местоимения мало нам свойственны: можно сказать “бедствующих”. Больше не заметил ошибок, и надо бы отдать справедливость Вашему переписчику: ошибок мало.

Не более недели оставлю Вашу тетрадь, и то для прочтения моей соседке (Энгельгардт Анна Романовна).

В начале жизни м. Марии все, что относится до первого ее брака, едва ли будет пропущено цензурою. Но и это сократить и переделать Вам легко. От этого не потеряет ничего само повествование»⁴.

В письме от 1 марта:

«Ваша тетрадь была читана паки мною и соседкою моею, женщиною с добрым и прямым сердцем, с хорошим вкусом и образованностью. Мнение то же, что и прежде и общее о первом браке игумении Марии. Она славна под именем Тучковой, Тучково имя связано с Бородиным. О прежнем и упоминать не стоит. Можно выразиться приблизительно так: игумения Мария известна всей России как верная истинная дочь Отечества и церкви православной; сынам России – она родная и памятная, как Нарышкина, как Тучкова, как родственница императоров и близкая по крови Петру Великому и Наталье Кирилловне; как знаменитая вдовица храброго генерала-героя, как основательница примерной обители, материнского, христианского приюта для ищущих спасения, добрая мать Богом хранимого гнезда; как восприемница Великих княгинь – потому к имени ее не следовало бы даже прибавлять кратковременного скоропрешедшего названия по первом ее муже, с которым она рассталась в юности законно и праведно. Нравы его были, к сожалению,

не согласны ни по чему с юною Нарышкиною, которая возвратилась обратно в семейство, как и вышла из него. Вот и все – это канва для Вашего твердого и прекрасного пера.

Еще раз прочту и тогда окончательно скажу мнение свое. Тетрадь Ваша так полна, что ее умаление нисколько не ослабит общего, сильного впечатления, а скорее выиграет отсечением этого эпизода...

На следующей неделе возвращу Вам Ваши труды»⁵.

Письмо было написано накануне Великого поста, наверное поэтому лишь 9 мая игумен Антоний сообщал:

«Посылаю обратно биографию м. Марии. Я писал о ней Наталье Петровне Киреевской (жена Киреевского Ивана Васильевича, религиозного философа, литературного критика, одного из основоположников славянофильства. – *Прим. автора*), издательнице многочисленных Оптинских изданий, уведомлял слегка о Вас и о ходе этого дела. Киреевская имеет невозбранный доступ до Московского Владыки (митрополит Филарет, содействовал чете Киреевских в их трудах по изданию святоотеческих чтений. – *Прим. автора*), потому я предложил ей осведомиться при самом благоприятном случае – нет ли слухов о Вашем труде?»⁶

Через полгода 9 ноября 1864 г.:

«О рукописи Вашей скажу, что едва ли Киреевская сможет взять на себя ее издание. Она была при деньгах при жизни отца Макария, который собирал очень успешно на издание переводов и рукописей отеческих книг; она была издательница и казначея в одно время, потому дела шли с его благословением, молитвою и поддержкою. Если бы меня отпустили в Москву, то личное с нею свидание могло бы решить это дело; но за глаза мудрено что-либо предпринимать. Помолитесь, да поможет сам Господь, аще сие Ему благоугодно»⁷.

И наконец, 25 декабря в Рождество Христово игумен Антоний сообщил неутешительное:

«О словах Киреевской вкратце скажу, что госпожа игуменья (Сергия Волконская (?)), настоятельница изволила тако выразиться: “Мать Мария Шахова самое себя выставила, особливо в предисловии, и есть такие места, которые нельзя было показать”».

Непростой путь к читателю сочинения Шаховой завершился в 1865 г. 8 июля игумен Антоний в письме к ней отозвался на долгожданную публикацию: «Долго мы не посылали в Лугу: потому и письмо ваше и ответ мой запоздали. В “Страннике” оказалась, наконец, биография м. Марии. Сожалею, что имя ее первого мужа выставлено вполне: довольно было бы заглавной литеры. Поправки поповские, конечно, не украсят сочинения, но это, к несчастью, участь печатных наших детей: их крестят попы по-свойски. Я не успел еще вполне взглянуть в черты исправленного и остриженного Вашего детища, но, слава Богу, что оно выходит, наконец, на свет, хоть и под скуфейкою»⁸.

Три месяца спустя после выхода книги в свет митрополит Филарет (Дроздов) в письме к игумении Антонии, настоятельнице Свято-Алексиевского монастыря и в прошлом келейнице игумении Марии, подверг критике «Памятные записки» Елизаветы Шаховой и отказал в благословении на их распространение в монастырях Московской епархии. Письмо датировано 18 сентября 1865 г. «Не читал и не имею времени читать записки о жизни игумении Марии, и потому не могу принять никакого участия в распоряжении о сей книге.

Только посмотрев в книгу, вижу, что жизнь Марии надлежало написать не такою рукою и не таким пером. Не поэзия нужна здесь, а простое верное слово, охраняемое духовным разумом, направленное не к блеску, а к назиданию.

Сохранить в памяти верно и в порядке предсмертные действия и слова среди скорби и забот об умирающей очень трудно. И потому очень вероятно, что книга навевает на душу Преподобной Марии более мрака, нежели с каким она боролась, когда свет настоящего века ослабевал пред нею, а свет будущего века еще не ясно открывался. Это может навести туман и на ум читающего...

Видно, предчувствовали такой взгляд на книгу и для цензуры удалили в чужую епархию».

И, кроме того, Владыка «отсоветовал решительно» представлять сочинение Шаховой императрице Марии Александровне «чтобы вместо доброго впечатления не произвести неблагоприятного»⁹.

Игумен же Антоний (Бочков), не меняя своего мнения о труде монахини Марии (Шаховой), продолжал содействовать распространению «Памятных записок...». В конце 1865 г. он сообщал ей: «... Был у Аскоченского (издатель журнала “Домашняя беседа для народного чтения”. – *Прим. автора*), который отозвался своими хлопотами. Я написал ему легонькую статью (здесь на память прилагаемую) о Вашем сочинении.

“Пам<ятные> записи о жизни и<гумении> М<арии>”

В небольшой книжке, написанной правильным и сильным слогом, изображена жизнь в Бозе почившей и<гумении> М<арии> Т<учковой>. Ее можно назвать ангелом Бородинского поля. Кто поверит, что женщина одна, в сопровождении только престарелого монаха обыскала все обширное поприще кровавой битвы, вглядываясь в черты всех трупов убиенных, отыскивая между ними убитого героя-супруга? Что здесь, в уединении обширного поля, поселилась одна в малой хижине, которая превратилась в великую общежительную обитель спасающихся?

Такова была необычайная анг<ельская> жизнь игумении М<арии> Т<учковой>, урожд<енной> Нарышкиной. Мирское имя свое Маргарита (“жемчужина”), все свое достояние и титулы она похоронила на Бородинском поле. Она была пострижена в Лавре пр<еподобного> Сергия великим старцем нашего времени, митрополитом Филаретом, была его духовной дочерью и ученицею. “Прославляющих мя прославлю”, – глаголет Господь [под титлом]. И Он ее прославил великою честью. И<гумения> М<ар>ия удостоилась быть восприемною матерью общей матери нашей Бл<агочестивейшей> Г<осударыни> И<мператрицы> М<арии> А<лександровны>. Бородинскую обитель посетил в Б<озе> почивший И<мператор> Н<иколай> П<авлович> и почтил настоятельницу царственным, ответственным словом. И<гумения> М<ария> прежде нас воздвигла памятник Бород<инской> битве.

Книжка (109 стр.) мелкой печати продает<ся> в ч<асовне> Ч<еременецкого> м<онастыря> в С.-П<етербурге> по 50 копеек [и] в Твери у соч<инительницы> м<онахини> М<арии> Ш<аховой>»¹⁰.

Возвращаясь к рукописи из скита Оптиной Пустыни, можем предположить, что сочинение Шаховой после прочтения там было отклонено и возвращено автору или хлопотавшему за нее игумену Антонию, но «Введение к жизнеописанию...» каким-то образом осталось в Оптиной.

По нашему мнению, рукопись достойна отдельной публикации. По крайней мере, ни в одной литературной версии биографии игумении Марии (Тучковой) она не представлена таким живым и образным языком.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Шахова Е.Н. «Памятные записки о жизни игумении Марии, основательницы Спасо-Бородинского общежительного монастыря, в мире Маргариты Михайловны Тучковой (урожденной Нарышкиной). Спб., 1865. С. 1–1об.

² Голицын Н.Н. Библиографический словарь русских писательниц. Спб., 1889. С. 274–275.

³ ОР РГБ, ф. 214, д. 283

⁴ «И дружба сохранит немногие листки...»: Письма игумена Антония (Бочкова) монахине Марии (Шаховой). Ч. 1. 1862–64 // Ежегодник Рукописного отдела ПД на 2005–2006 гг. Спб., 2009. С. 339–340.

⁵ Там же. С. 342.

⁶ Там же. С. 355.

⁷ Там же. С. 393.

⁸ РО ИРЛИ РАН. 3589. Л. 163.

⁹ Святитель Филарет, Митрополит Московский. Переписка с современниками. / Сост. И.Ю. Смирнова. Свято-Троице Сергиева Лавра, 2013. С. 642.

¹⁰ РО ИРЛИ РАН. 3589. Л. 172–173.